

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 67

Первая
книга

независимое издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас...» (С)

Мысли — это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, проза которых заставит каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

☞ Так как у нас Независимое Издательство, мы хотим размещать максимально возможное количество современных авторов, если их произведения не нарушают законодательство РФ. Так все права и ответственность за произведения остаются за автором. Пунктуация и орфография так же сохраняются в оригинальном виде, за исключением покупки услуги «проверка текста». ☞

ISBN: 978-1-291-58291-8

УДК: 1751

Итоги конкурса

1 место: Ольга Манаенкова

2 место: Илья Семиколонов

3 место: Лина Риддлер

Содержание

Ольга Манаенкова	5
Илья Семиколонов.....	21
Лина Риддлер.....	25
Дарья Шаповалова.....	31
Эдуард Борисов	36
Леонид Кузнецов	49
Полина Новохатская	63
Даша Каваллини.....	79
Елизавета Слесарева	82
Вадим Мельник.....	88
Контактная информация	95

Ольга Манаенкова

Слишком много

Душное и полностью пропахшее нафталином и прочими лекарствами помещение. Очень маленькое и старое, напичканное разными пузырьками, маленькими бутылочками и картонными упаковками. Где-то над ними стоит цветок, который тоже уже полностью увял в пыли и паутине, аромат, что наполнял аптеку, был не последним виновником. От такой большой концентрации запахов можно заново родиться и прийти в сознание, как от нашатырного спирта. Большинство людей в этом заведении не раз им откачивали. Например, женщину, стоящую пятой в очереди, в кофейном пальто и темно-сливовом берете. Интуиция и догадки, которые никак не подкреплены фактами, как и то, что прямо сейчас вянет алоэ, хотя такое растение не должно вянуть почти при любых условиях, как кактус. Многим хочется быть как он, пустынное достояние, при любых условиях, при любом стечении обстоятельств он ещё успевает зацвести.

Люди ничтожны. Растение сильнее их и мысленно, и душевно, как снаружи красивей, так и внутри. Все мечтают быть как он, но никто ничего для этого не делает. Лишь жалеют себя и думают, как они несчастны, хотя ничего не сделали для своей наилучшей жизни. Для жизни кактуса.

— Можно резче? — из конца большой очереди донёсся этот отвратительный мужской и старческий голос. Он был груб, бестактен. Невежлив, нежив. Этот выкрик сопровождали разговоры женщин в преклонном возрасте, которые были согласны с резким высказыванием.

— Пожалуйста, — на букве «п» человек заикнулся. Сам звук произносили глаза, которые последнее время только и говорили это слово, только этого и молили. По ним можно было догадаться, хоть они тоже истерично моргали и были покрасневшими от лопнувших сосудов из-за частых слез. — Можно «налгезин»? — натянулась кривая улыбка, которая получалась уже лучше, нежели месяц назад, но даже эту короткую фразу с ней сказать стоило невероятных внутренних усилий. Сухой язык заплетался так, что выходил только нелепый говор, который отстранённо был похож на слова. Но, чтобы было более уверенно, было решено использовать ещё и руки. Они были красными, худыми и потресканными на морозе. Кожа была безжизненной и почти сыпалась, вся в мозолях и мелких и старых ссадинах. Которые постоянно щипали соленые слезы. К концу активного жестикулирования человек даже стал задыхаться, нехватка воздуха, ибо он частенько стал забывать, как нужно дышать.

— Держите, — сухо, безразлично и с неким омерзением сказала полноватая женщина лет тридцати пяти, явно разочарованная в жизни. С полной уверенностью в том, что красные помады — пик сезона. Без вранья, эти губы были самыми яркими в жизни людей, что стояли за спинами. — С Вас пятьсот рублей, — уставшим и монотонным баритоном провизор начал вбивать код товара, предварительно открыв кассу, чтобы принять плату.

Дрожащие руки неудачно цеплялись за края кошелька, который так и хотел выскользнуть из пальцев. Сам предмет был обшарпанным, снаружи лопнувший материал, заменитель кожи уже во многих местах отошёл, и там виднелась обычная, не очень дорогая, но плотная ткань. Уголки были в чем-то мокром и очень холодном, скорее всего, снег попал в открытый и давно уже не закрывающиеся от после лома молнии рюкзак. Там была только мелочь и несколько купюр — все, что осталось после коммунальных выплат. И все это выпало из рук. Распласталось на полу и разбежалось в противоположные стороны. Несколько секунд девушка просто смотрела в пол на рассыпанные монеты и кошелёк, в коем все же остались купюры. Повисла тишина, никто даже не перешептывался, она продолжалась недолго, но этого хватило, чтобы ещё более разозлить мужчину в хвосте очереди и выбить первую слезу.

— Проваливай уже! — грубый выкрик, было слышно, что говорящий сдерживает себя, чтобы не подойти и не ударить неуклюжую. — Бери лекарство и проваливай, — твёрдый, уверенный и острый голос. Он только добивал девушку, что держалась на последних нитях, словно марионетка у кукловода, который не ухаживает за своими игрушками. В помещении казалось неимоверно душно, если сравнивать с улицей. Вырвавшись оттуда, Рената начала бешено вдыхать и выдыхать, получалось рвано, будто она только училась этому. Она опёрлась о поручень на крыльце аптеки. Он был весь в снегу, но тот не таял. Будто рядом и не стоит живой человек с нормальной температурой тела. Руки сжимали поручень до посинения. Ноги подкашивались, она будто пыталась повиснуть на средстве опоры. Темные волосы спадали вниз, упала морковного цвета старая шапка. Послышался громкий выдох и шаг от поручня, легкий скрип снега и такое же неуверенное касание спиной стены аптеки. Отчего-то пошли почти невесомые мурашки, возможно, оттого, что не было рассчитано расстояние, оно казалось больше. Но долго стоять на месте не пришлось. Из чуть нахлынувших рассуждений в себя привёл незнакомый голос, который был чуть тих, чуть смущён и чуть сер.

— Извините, — театральный кашель и взгляд исподлобья, чтобы оглядеть того, кто, по его мнению, являлся владельцем потерянной вещи.

— Вы уронили? — предмет был протянут и упирался чуть ниже колена в ногу. Хоть крыльцо аптеки было небольшим, но находилось оно на достаточной высоте от земли, поэтому даже высокий молодой человек, вытягивая руку вверх, дотягивался только до середины икры.

— Да, спасибо, — Рената села на корточки и взяла шапку. Ее голос дрожал, но пытался казаться уверенным. Он был приятным, а по ощущениям как чай с мёдом и лимоном: совсем бархатный, но чуть надрывный. Будто в любой момент сорвётся на крик и слезы. Она оставляла странные ощущения после себя.

Незнакомец ушёл, ни он, ни она не хотели продолжения общения и, кажется, не нуждались в этом. Нацепив на себя шапку полудрожащими руками, она, спустившись, пошла в сторону бесплатной неврастенической клиники, к психотерапевту которого ей наняли коллеги. Рената никак не могла о них отозваться: ни хорошо, ни плохо. Девушка устроилась туда исключительно для того, чтобы хватало на лекарства подруги, после того как они перестали быть нужны, уходить не хотелось. Но событие в виде врача засчитала положительным плюсом в копилку. Они волновались за неё, хотели ей помочь. Ее не волновала своя жизнь, она просто не хотела разочаровывать людей, которые ей дороги или которые беспокоятся за неё, хуже ведь не будет. Пока Рената шла к больнице, ее обдувал ветер, и с каждым разом он становился все сильнее и все властнее. Все чаще хотелось просто верить в то, что, если подпрыгнуть во время порыва, она улетит. Но телу было не холодно, ни капли. То ли старая и потрёпанная куртка хорошо справлялась, то ли просто чувствовать не хотелось, весь удар погоды забирало на себя сердце. Вот чему было по-настоящему холодно. Так, будто находилось в карцере, а оно было сильно провинившемся, что вытащат только на грани смерти, но когда уже будет эта грань? Или она уже за ней. Сердце, его не закутаешь в шарф, а душа не выдержит столько мороза и лопнет, вновь его оголив, поэтому вопрос всегда насущный. Деньги тратятся, души лопаются, одежда изнашивается, воспоминания блёкнут, гаджеты ломаются, а игры проходятся, но. Когда изнашивается сердце?

Рената ничего не чувствовала. Абсолютно. Немного холодно, зябко, склизко. Хочется шарф, горячий кофе и уткнуться носом в старый диван. Но никаких эмоций. Подойдя к кабинету сквозь уже не одну тысячу раз проходимых ступеней, девушка дошла до кабинета своего врача: «19. Психотерапевт, Григорий Ляпушкин». Гласила чуть заляпанная временем табличка на двери у личного кабинета мед. работника. Без колебаний была открыта дверь, и, пройдя во внутрь, девушка не спешила сразу здороваться,

она наоборот же. Повесила куртку, с которой тонкими ручейками стекала снежная вода, в неё заправила шапку. Сперва тщательно отряхнув ее. И только после этого она села на коричневый диван врача, на котором сидела уже не единожды, и бросила стандартное:

— Здравствуйте, — она сидела на краю дивана, согнув ноги вправо. И туда же отводила глаза, которые были спокойными, обычными. Руки же все время трогали край белого свитера, никак не могли найти себе место. Все же пришлось проглотить ком, который так и стал посреди горла.

— Здравствуй, Ренат, — мужчина лет пятидесяти отставил свою кружку с крепко заваренным кофе и сменил свою позу. С заинтересованной в полностью безразличную. Ещё на первом же сеансе доктор сказал девушке, что она весьма необычна и с ней требуется всегда держать себя на безразличие, чтобы впитывать те эмоции, с которыми приходит. — Ты снова плачешь? — в голосе проскочила добрая усмешка и легкая и еле видимая заинтересованность. Мало кто приходит к нему и коллегам в отличном или хотя бы просто положительном настроении.

— Нет, — твёрдо и полностью уверенно в своих словах отсекала девушка. — Это слезы, и они катятся, — с каким-то разочарованием, но в то же время интонация была такой, будто она констатировала самый обычный факт, что дважды два — четыре. — Но я не плачу. Слезы катятся из глаз — это нормально, они текут по щекам, я в норме, в своей какой-то норме. Но они привычны, — она дружественно пожала плечами, словно извиняясь за прежнюю категоричность. И с улыбкой смахнула с себя слезы, насухо вытерев их следы рукавом, немного жестикулируя после этого. Но надолго это не помогло ее лицу остаться сухим.

— Тебе чай или кофе? — мужчина чуть привстал и, взяв свою кружку, оставил ее в другом конце кабинета, где хранилась вся посуда до конца рабочего дня.

— Ничего, спасибо, — это было единственное место, где девушка могла почувствовать хотя бы искру тепла, такую маленькую. Только здесь от неё отступал ворох вечных истерик и она чувствовала себя хоть немного, но спокойней: не так тряслись руки, голос. Все казалось легче, и чувствовала она себя уверенней. Могла говорить, и даже проскальзывали иногда смешок или легкая усмешка.

Они долго говорили не о чем, но при этом о многом, в этом кабинете, полностью пропахшим кофе, всегда интересовались мнением пациента, в особенности у врача была любимейшей Рената. Она всегда пыталась держать себя непринужденно, но что больше всего нравилось врачу — она сама верила в то, что окружающим кажется спокойной и во всем уверенной. Что врач не видит ее состояния, хотя никто не мог сказать, что в этом месте она была такой же запуганной, как вне. У неё действительно тверже стоял голос, в глазах было больше огня, а в жестах... они просто были более связанными и обоснованными. Она была так уверена в том, что никто не видит ее судорожно маячивших глаз из одного угла в другой, что никто не замечает, как она всегда охватывает ладонью свой браслет на запястье, который остался после Леры. Она искренне надеется на то, что никто не обращает внимания на ее вечные сглатывания и глубокие вдохи, выдохи. Она верит в то, что с ней все нормально, что все в это верят. Но все видят ее кривую улыбку, исхудавшие ключицы и обветренные пальцы и костяшки рук. В этом кабинете всегда говорили на какие-то отстраненные темы, но всегда они заканчивались чем-то серьезным, о чем стоит думать и не следует забывать. Разговоры о мандаринах перетекали к отношению к зависимостям, а погода заканчивалась родителями, но сейчас они говорят о курении.

— Ренат, помнишь ты сказала недели три назад, что хочешь умереть? — совсем будничным тоном поинтересовался мужчина. Глотнув кофе и вытерев свои седые усы. Такая уж была тактика у Григория Васильевича. Втереться в доверие, разговорить собеседника о рутине, о чем-то обычном и ударить ломом по голове серьезной темой.

— Да, но я не хотела умереть, я хотела отдохнуть, — в тон врача сказала девушка, заправив темные волосы за ухо и подняв глаза, исподлобья посмотрела на собеседника. Пристальный взор чуть прикрывался паром только что заваренного чая, на который спустя долгие уговоры согласилась девушка. Ей была интересна реакция на правду. Но на какую она не знала, ибо по её мнению она и тогда сказала правду.

— Ты же говорила про смерть, — отчетливо помнил медик и встрепенулся. Поставил кружку на поверхность стола и стал рыться в маленькой сумке, в которой у него было множество маленьких блокнотов по клиентам, в поисках книжечки о Ренате. Где было записано все выдающиеся о пациентке.

— И про это говорила, — сказала девушка и, поставив кружку с напитков и став держать осанку, посмотрела с некой улыбкой. Доктор

перестал лазить по сумке и лишь уставился на девушку, в чьих глазах заиграл игривый огонь. — Проблема в том, что это одно и то же. Что смерть, что отдых — одно и то же, — облегчённый выдох, и, по-доброму закатив глаза, она продолжила. — Смерть — это отдых от мыслей, от воспоминаний. Нет, нельзя отдохнуть от жизни, ибо большинство людей не живут. Не подумайте. Исключительно от чего-то подкормочного. Ведь иногда так необходимо отдохнуть от них, просто забыть, хоть на секундочку, — она будто потерялась в пространстве. Сфокусировалась на одной точке и будто не видела никого в округе. — Ведь это так противно, это самое мерзкое чувство, когда воспоминания, бывшие улыбки, счастье, грусть, светлая и темная — все это копится у тебя в легких и выходит с кашлем, такой чёрной и скользкой жидкостью, что жила и копилась у тебя в органах, и копилась она всю твою жизнь, — она охватила руками ещё тёплую чашку и стала греть руки. — Вы же понимаете, о чем я говорю, доктор? — её глаза были полны надежды, что она не одна так думает, а голос кричал о том, что хочет помощи. Просто — спасите. Вы ж понимаете, доктор, это чертово желание отдыха? Скажите, что да, молю. — И в такие моменты уже ничего не имеет разницы. Абсолютно. Смерть, отдых, автомат в универе, повышение или увольнение на работе, ссора с матерью, скандал с отцом, закат или рассвет, пять или два. Нет разницы — одно и то же. Чёрный и белый, красный и зелёный — одно и, черт, то же. Потому что нет смысла и разницы, если ты один, — тонкие пальчики стали сжимать кружку с максимальной, на какую они были способны, силой. Голос серчал, было видно, что девушка на грани истерики, которую она никогда не переступает в чьём-то присутствие. Глаза сверлили чашу взглядом, пытаясь ее расколоть. Только Григорий Васильевич хотел ее остановить, так как, не считая злобы на почти единственную чашку в его кабинете, он увидел двойную силу слез. Но она продолжила говорить. — И самое смешное заключается в том, что мы все одиноки, когда нелюбимы. Все дело в том, что, если я умру, не будет разницы ни для кого, изменится лишь то, что я отдохну, но я даже этого не могу. Я даже не замахиваюсь на это, потому что понимаю, что не смогу видеть ее на небесах, потому что это сложно, это сложнее, чем одиночество, видеть ее и делать вид, будто ты не страдал. Будто все так, как надо, — она была на пределе. Уже срывалась на крик и переходила на активную жестикуляцию, как в один момент осела и тихо, полушепотом, почти молча, почти одними губами, отпуская кружку и закрывая глаза. — Без любимого человека нет разницы в этой жизни, — тихий, глухой выдох. Будто все помещение выдохнуло вместе с ней.